

ТЕАТР

Главное направление

Есть у советского театра главная задача — своими спектаклями вдохновлять народ на борьбу за новые успехи в строительстве коммунизма. Задачу эту театры страны решают прежде всего спектаклями пьес советских драматургов.

И для театра, и для зрителя особенно болюющие встречи на советском спектакле. Где, как не здесь, зритель ожидает встретиться с главными вопросами современности и с героями нашего времени. Где, как не здесь, театр проверит: верна ли выбранная им линия, удалось ли правдиво и глубоко отразить жизнь, достоин ли сценический портрет советского человека его самого и, наконец, чем помог он в сегодняшней борьбе нашего народа за решение самых насущных вопросов жизни?

Комиссар —
арт. Ю. ГАНИНА.

Среди первых спектаклей, показанных Алтайским краевым драматическим театром в Новосибирске, новая пьеса Ю. Чепурина «Меч и звезды» и «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского — наша драматургическая классика.

Постановка «Оптимистической трагедии» в любом театре — всегда экзамен на зрелость. Это одна из прекраснейших и трудных пьес советской драматургии, гениально героическим делам коммунистов, пролетарий и вдохновенно, повествующий о славном прошлом и наделенный в будущее. А трудность пьесы в том, что редко, к сожалению, наши театры встречались с современными пьесами такой литой, монументальной формы, таких обобщенных характеров, такой публицистичности.

Тем интереснее удавшийся опыт наших гостей. В правильном ключе решает спектакль постановщик «Оптимистической трагедии» засл. арт. РСФСР К. Миленко. Он создает романтический, монументальный спектакль, верно расставляет силы. Режиссер умеет динамично строить действие, образно раскрывать характеры, находить интересную форму для глубокого выявления идеи. Правда, эти качества режиссуры К. Миленко с большой силой проявляются не с самого начала спектакля.

Начало первого акта кажется несколько неугаданным. Режиссер и актеры как бы боятся пауз и торопятся побыстрее начать говорить и действовать, мешая созданию атмосферы беспокойства, сумеречных раздумий, тоски, рожденной вынужденным бездействием массы людей. Режиссер больше подчеркивает стихию анархического разгула, оставляя в тени «поиски ответов». А это как раз та почва, на которую падут слова Комиссара, и отсюда начнется перелом в этом сложном человеческом материале.

Эта торопливость сказывается отрицательно и на сцене расправы анархистов с моряком и старухой. Первый акт наиболее спорный и у арт. Ю. Ганиной. Ю. Ганина, актриса сдержанная и обаятельная, играет Комиссара интересно. Особенно точным и впечатляющим кажется ее исполнение во втором акте. Вот Комиссар перечитывает свое письмо к матери, и в том, как Ю. Ганина читает эти несколько строчек, содержится очень многое — и забота о матери, и такая по-человечески понятная усталость, и то, что мыслями она здесь, с полком, с трудным этим народом. И мы понимаем постоянную напряженность ее мысли, собранность воли и видим, как это трудно. Актрисе удалось здесь и в дальнейших сценах спектакля показать многогранность образа Комиссара. В этом эпизоде Ю. Ганина подкупающе проста и человечна. Вот человечность-то и не хватает Ю. Ганиной в первом действии. Здесь она излишне жестка и директивна. Может быть, эта разность и угловатость — по замыслу актрисы — защитная форма, скрывающая растерянность женщины-комиссара в новой обстановке? Но тогда это плохая защита. И если бы почували моряки этот страх, не основали бы их Комиссар своим выстрелом. Не выстрел остановил, а угаданное за ним внутреннее спокойствие Комиссара, беспредельная ее вера в правоту своего дела, готовность идти до конца.

Очень хочется пожелать Ю. Ганиной подумать еще над первым актом, тем более, что чем ближе к концу спектакля, тем вернее находит она вдохновенность и простоту, женственность и твердость Комиссара.

Вожак (арт. Г. Беляев) и Сиплый (засл. арт. РСФСР А. Коковкин): один,

как жестокий и хитрый зверь, убивает, другой прячется в его тени, питается падаляю, остатками добычи. Вожак — Г. Беляев сознает свою силу и, как человек, привыкший быть на виду, он чуть играет «на массу» (вспомните, как презрительно он перешагивает через застреленного кочегара и отшвыривает ливком его руку). Сиплый — А. Коковкин страшен своей патологической ненавистью к людям. Не классовых врагов, а все человечество проклинает Сиплый, всех здоровых, славных, молодых. Ненавидит коммунистов, предает полк, предает и Вожак. Очень убедительно А. Коковкин играет самый момент предательства. Сиплый мгновенно понимает, что полк от Вожак шагнул к Комиссару, на минуту застывает, глаза бегают от одной фигуры к другой, — и делает выбор, питься от Вожак.

Не вполне удался артисту Б. Сурову образ Алексея. В спектакле Алексей менее сложен и человечески интересен, чем в пьесе. Актеру не удалось показать, как вырастает его герой, крепнет, мужает. Мешает Б. Сурову ошутимое желание поиграть «на зрителя», нажать, как, например, в сцене со священнослужителем. То, что делает здесь Б. Суров, скорее похоже на безобидный розыгрыш на вечеринке, чем на сложную игру в момент смертельной опасности.

Вопрос о слове — далеко не праздный вопрос для многих актеров Алтайского театра, а в этом спектакле особенно. Слово — единственное оружие Ве-

Командир —
арт. С. ХЛЫТЧЕВ.

дущих (арт. В. Поппавский и Д. Паротиков), и это делает их роль особенно трудной. Ведущие обобщают происходящее на сцене, они обращают его в сегодня, к зрителям. Огромный накал слов Ведущих и существ-

венная опасность подменить внутреннюю убежденность декламационностью. Эта опасность особенно реальна для арт. В. Поппавского. В спектакле много удачных актерских работ, решенных в близкой манере, объединенных в общий ансамбль. Мы говорили уже о Ю. Ганиной, Г. Беляеве, А. Коковкине. К ним по праву можно прибавить засл. арт. РСФСР С. Хлытчева, исполнившего роль Командира, и А. Кондакова, трогательно и сильно играющего маленькую роль контуженного офицера, и В. Знаина — Вайнонена.

Спектакль «Оптимистическая трагедия» доказал, что Алтайский театр успешно может решать трудные творческие задачи. Из наследия советской драматургии театр выбрал пьесу о подвиге коммунистов, о величии партии, пьесу мобилизующую, устремленную в будущее. А это значит, что театр хочет говорить со зрителем о главном.

Желание говорить о самых волнующих вопросах современности продиктовало театру и выбор пьесы советского драматурга Ю. Чепурина «Меч и звезды».

В этой пьесе многое может привлечь — и то, что написана она на материале современной советской действительности, и сочно выписанные образы Панкрата, Варвары Петровны, Шуры, и напряженность действия, и острота ситуаций. И главное, конечно, — тема дружбы, единения народов, тема борьбы за мир. Главный режиссер К. Миленко и коллектив театра много и с энтузиазмом работали с автором над пьесой, создали по сути дела ее новый вариант. Актеры вложили в исполнение много души и таланта. Н. Лоскутов (Панкрат), М. Петрусеви (Варвара Петровна), засл. арт. РСФСР Л. Перфильева и С. Лавринович (Шура), Ю. Ганина (Клара Штрот), В. Зюзя (Алеша) вызывают самое теплое отношение зрителей, которые живо реагируют на ряд моментов спектакля.

Ю. Чепурин в качестве основы конфликта берет очень интересную и новую в нашей драматургии ситуацию: в сталинградскую рабочую семью, глава которой был замучен фашистами, сын приводит невесту — девушку из немецкого города Иены Луизу Брозль. Все дальнейшие события должны привести зрителя к мысли, что вражда между народами бессмысленна и губительна. Хорошее нача-

ло, хороший и вывод. Но вот в том, как драматург рассказывает эту ситуацию, какими путями идет он к своему выводу, есть ряд таких серьезных оплошностей, что мимо них никак не пройдем.

Как можно, например, пройти мимо того, что все члены рабочей семьи Асановых высказывают взгляды, весьма далекие от пролетарского интернационализма (за исключением старого рабочего Панкрата Степановича, да и то автор мотивирует это исключение тем, что Панкрат Степанович сам в юности любил немку). Как ни странно, но в пьесе советские люди являются носителями нацистских взглядов. Это очень далеко от жизненной правды. Нам никогда не было свойственно отождествление гитлеровских преступников с немецким народом. Мы никогда не спутаем немецких трудящихся с западногерманскими реакшистами. А герои пьесы сплошь и рядом делают это по воле автора, перенося ненависть к фашизму на немецкий народ.

Кроме того, драматургу не удалось убедительно показать, как отходят члены семьи Асановых от своих предвзятых, неверных взглядов. Ведь по сути дела перелом в их отношении к Луизе происходит за кулисами, между 2-м и 4-м действиями, и только матери Сергея драматург предоставил возможность столкнуться с Бертой Брозль и в трудном разговоре с ней окаятельно переломить себя. И это полностью использует арт. М. Петрусеви.

Много, очень много непонятного в пьесе. Почему по документам рядового солдата Курт Брозль находился в лагере военных преступников? По какому праву помещается в действия советской администрации американская журналистка Куртина Ментон? Чем объяснить, что жена Курта Брозль не знала о том, что ее муж — начальник гестапо в Сталинграде (как известно, гестаповцы не скрывали своих занятий)?

Эти несообразности кладут отпечаток фальши на всю пьесу. Этому способствуют и те бесконечные совпадения и случайности, которые на каждом шагу встречаются в «Мече и звездах». Случайно на фестивале Сергей Асанов увидел Луизу и влюбился в нее, случайно ее мать оказалась руководителем делегации немецких женщин, посетившей нашу страну. Ведь мы ничего не знаем о Берте Брозль, о ее взглядах, профессии, достоинствах или недостатках. И если драматург достаточно ясно написал, а арт. Ф. Балабан сыграл, за что мы должны ненавидеть Курта, то за что мы должны симпатизировать Берте Брозль и Луизе — сказано весьма туманно и расплывчато.

Совершенно случайно, что именно в Сталинграде, куда прибывает делегация немецких женщин, находится в лагере военных преступников муж Берты Брозль, которого она давно считала убитым, и уж, конечно, случайно скрывался он по документам Геяриха Штротм, вдова которого по странному совпадению находится в составе той же делегации. Все это дает возможность создать несколько острых положений и пошекотать нервы зрителям. Не слишком ли много случайностей для одной пьесы?

Ю. Чепурину удалось сделать свою пьесу занимательной. Но не слишком ли щедро расплатился он за остроту ситуаций и занимательность самым дорогим — жизненной правдой?

Театр создал спектакль, где есть много хорошего, подлинно талантливого.

Сиплый —
арт. А. КОКОВКИН.
Рис. Б. Васильева.

Мы говорили уже об актерах. Режиссер спектакля К. Миленко умело организует жизнь на сцене, пытается затуманить мелодраматичность пьесы. «прикрыть собой» автора. И жаль, что увлеченность взяла верх над требовательностью.

В Алтайском краевом драматическом театре есть хороший азарт работы над новыми пьесами советских драматургов. Вот и сейчас театр работает над двумя новыми пьесами молодых драматургов, одна из которых принадлежит их земляку М. Юдалевичу. Коллектив хорошо понимает, что работа эта, связанная с многими трудностями и риском, необходима, ибо знает, что хорошая советская пьеса — сильное орудие в борьбе народа за решение самых насущных задач жизни, самое боевое, главное направление работы театра.

А. МИХАЙЛОВА.